

Призрак бродит по Европе — призрак ... дефолта

Через два года мир ожидает волна дефолтов в странах с развивающейся экономикой.

Такой прогноз дает бывший главный экономист МВФ (Мирового валютного фонда) Кеннет Рогофф. Данные экономической статистики подтверждают — растет число стран, где госдолг и бюджетный дефицит быстро увеличиваются. Причем опасения аналитиков вызывают уже не только «периферийные» Греция и Прибалтика, но и вполне благополучные Испания и Португалия.

После недавнего дефолта дубайского госфонда эксперты бросились на поиски очередных «пузырей», которые могут лопнуть в ближайшее время. Долго искать не пришлось. Таковыми оказались практически все страны, расположенные на периферии Европы. Однако коллизия с Грецией, которая находится на грани невыполнения обязательств по кредитам, показала, что Евросоюзу удастся справиться с ситуацией. Но это пока. Волна дефолтов возможна примерно через два года. Об этом заявил в интервью «Нью-Йорк таймс» бывший главный экономист МВФ Кеннет Рогофф. По его словам, в этот момент развитые страны, отягощенные собственными займами, откажутся помогать развивающимся рынкам.

Только в 2010 году странам с развивающейся экономикой понадобится где-то занять 65 млрд долларов на погашение долгов. А ведь уже сейчас внешние долги Болгарии, Венгрии, Греции и стран Балтии превысили их ВВП. Долг государства растет даже в Германии, которая долгое время была бастионом осторожной фискальной политики. А у экспертов ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) большие опасения вызывает ситуация с внешним долгом Португалии, Испании и Италии.

Еще одна неприятная примета времени — рост бюджетного дефицита. Россию, при незначительном

дефиците бюджета и весомых внешних долгах, спасают огромные резервы. Но если Европу накроет волна дефолтов, не поздоровится и нам.

— Конечно, такое развитие ситуации с дефолтами развивающихся государств возможно. «Однако заранее просчитать момент не так уж просто, — говорит финансовый советник инвестиционной компании "БКС" Александр Пименов. — Ситуация с дубайским госфондом так потрясла рынки именно потому, что обнаружили скрытые проблемы в,

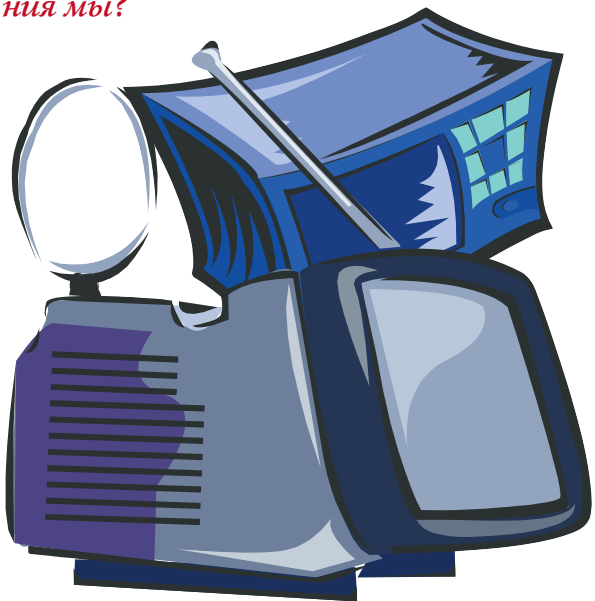
казалось бы, благополучной экономике. А таких проблем хватает и в Соединенных Штатах Америки, где власти едва справляются с долговой нагрузкой. Так что теоретически все может случиться не через два года, а раньше».

Впрочем, таких апокалиптических прогнозов хватало и год назад, а экономическая ситуация в мире назло им стала исправляться.

Варвара Агламишьян

Таможня сдает добро

Россия так и не вступила в ВТО, зато создала его миниатюрную копию. Наша страна, Белоруссия и Казахстан вступили в Таможенный союз. Соседям это, безусловно, выгодно, но что выиграем от объединения мы?

Для рядового потребителя появление таможенного союза не изменит почти ничего. Разве что немного подешевеет бытовая техника. Например, пошлины на миксеры, пылесосы и соковыжималки снизятся с 15 до 5 процентов, на кондиционеры и посудомоечные машины — с 15 до 0 процента. Также чуть дешевле станут микроволновые печи, медицинские автомобили и автобусы с дизельным двигателем вместительностью более 120 человек.

Вроде бы перемены невелики. Хотя с точки зрения макроэкономики они огромны. Пока не было Таможенного союза, Россия выигрывала от торговли с Белоруссией и Казахстаном гораздо больше, чем соседи. Долгие годы наш экспорт в эти страны вдвое превосходил импорт. На российские товары приходится две трети белорусского импорта и почти 40 процентов — казахского. При этом доля двух этих стран в нашем импорте не превышает 6 процентов. Речь идет о весьма значительных суммах — только с января по сентябрь 2009 года товарооборот между Россией, Белоруссией и Казахстаном составил 25,6 млрд долларов.

Положительный баланс удавалось удерживать в том числе и за счет торговых войн, которых было множество. С появлением Таможенного союза

таким конфликтам придет конец, в результате Белоруссия и Казахстан смогут везти в нашу страну столько товара, сколько захотят. Александр Лукашенко не скрывает радости за белорусских производителей комбайнов, тракторов и молока, которым станет гораздо проще торговать с Россией. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев заявил, что за счет Таможенного союза его страна получит дополнительные 16 млрд долларов, — это 14 процентов казахского ВВП.

Отечественные производители от этого в целом проиграют. Сельхозпредприятиям придется конкурировать с недорогим белорусским молоком. Автопроизводители опасаются, что в Россию из Белоруссии хлынут сотни тысяч подержанных иномарок. В этой стране скопились огромные запасы автохлама, поскольку пошлины на его растаможку были в несколько раз ниже, чем у нас. Сырьевики не устают жаловаться на недорогой казахский уголь и энергетические льготы для Минска. Сосед получает от нас более 20 млн т нефти в год по льготным ценам, а потом перепродает ее за рубеж. Россия теряет на этом 3,5–4 млрд долларов ежегодно.

Разумеется, поставки наших товаров союзникам тоже вырастут. Но от свободной торговли выиграет очень небольшое количество отраслей — в основном металлурги, которые смогут без проблем поставлять российские трубы в Казахстан. Большинству производств объединение не принесет почти никакой выгоды.

Союз создают в три этапа

Во-первых, с 1 января в России, Белоруссии и Казахстане введены единые таможенные пошлины. Они согласованы и утверждены комиссией Союза 30 ноября 2009 года.

Во-вторых, с 1 июля вступят в силу общие для всех участников Союза внешнеторговые правила. Тогда же будут окончательно отменены таможи на границах Белоруссии и России. После создания Союзного государства их уже убирали, но в июле 2009 года президент Александр Лукашенко вернул досмотр в ответ на запрет ввозить в Россию белорусское молоко.

В-третьих, с 1 июля 2010 года исчезнут таможи на границе России и Казахстана. К тому времени собирать доходы от импорта-экспорта и распределять их по странам будет единый орган, работающий при ЕврАзЭС (Евразийском экономическом сообществе). Его создадут до конца 2010 года.

Павел Хицкий

Инвентаризация изобретений и открытий

Прежде чем начинать обещанную на самом высоком уровне модернизацию страны, неплохо бы понять, что именно нуждается в обновлении. Правительство в целом отмалчивается, поэтому это решили выяснить ученые.

Росстат и Высшая школа экономики подготовили масштабный доклад о состоянии науки и техники в России.

С одной стороны, технологический потенциал страны очень высок. На исследования и разработки расходуется почти 400 млрд руб. в год — примерно столько же, сколько в Канаде или Швеции. Из того, что настораживает: число людей, занятых научно-техническими разработками, за 15 лет сократилось с 1 млн до 800 тыс. человек. Тем не менее их в 10 раз больше, чем в той же Швеции, и вдвое больше, чем в Германии — европейском лидере по объемам инноваций.

С другой стороны, доля страны в мировых изобретениях не превышает 1 процента. Самый серьезный упадок технологий — в отраслях, где господствует малый и средний бизнес. В сельском хозяйстве, ЖКХ и в производстве обуви доля инновационных предприятий меньше 5 процентов.

В целом на всю нашу экономику — от атомной промышленности до упаковки подарков — внедряется лишь около восьмисот новых технологий в год. Это в 3–5 раз меньше, чем в европейских странах. Научных разработок мы экспортируем в два раза меньше, чем Чехия и Люксембург, — на 630 млн долларов в год. А покупаем их на 1,42 млрд долларов.

Эксперты уверены, что причина — в одностороннем финансировании исследований. В странах «Большой семерки» государство оплачивает только 25–30 процентов новых разработок, остальное — финансирование из частных источников. В России наоборот. Даже в благополучном 2007 году две трети средств на инновации выделялись из госбюджета или из прибыли государственных компаний. В нынешнем году, по данным Национальной ассоциации инноваций, доля государства подскочила до 85 процентов.

Конечно, государственное финансирование приносит огромную пользу. С 1999 года расходы бюджета на прикладную науку выросли в 20 раз. Помимо прочего, это отразилось на статистике Роспатента. В 2007 году в стране действовало менее 130 тыс. патентов. В 2008 году — уже 150 тысяч.

Главное — улучшилось качество изобретений. Несколько лет назад в стране патентовали в основном дизайн «чашек с таблицей умножения» и форму бисквитных мини-рулетов. В последнее время появились более масштабные открытия. К примеру, ФГУП «Обнинское НПП «Технология» запатентовало уникальный по прочности и термостойкости керамический материал, а Красноярская государственная медицинская академия придумала гель, устраняющий кожные шрамы и рубцы.

Но таких прорывов недостаточно, чтобы Россия заняла достойное место в мировой технологической сфере. Проблема в том, что государство не в состоянии финансировать всю прикладную науку. По подсчетам, только на развитие высокотехнологичных секторов экономики, таких как электроника или связь, необходимы инвестиции в 616 млрд рублей. Но наши частные компании не спешат тратить деньги на исследования.

В собственные технологии инвестируют в основном крупные предприятия, на которых работают более 10 тыс. человек. Как правило, это холдинги, «прописанные» в промышленных регионах. В остальных субъектах Федерации инновационная активность в 2–3 раза скромнее, а на Чукотке, в Тыве, в Ингушетии, в Калмыкии частных исследований и разработок нет вообще.

У этой диспропорции множество причин. Одна из них в том, что 58 процентов компаний, занимающихся техническими разработками, не доверяют государственным структурам.

Так что модернизацию стоило бы начать не с простого вливания денег, а с обновления отношений бизнеса и власти. Пока чиновникам нет веры — не будет и ничего принципиально нового.